

Л.С.Окунева

К вопросу о латиноамериканских разновидностях фашизма в межвоенный период

**По страницам международного исследовательского
проекта «Фашизм и правый радикализм в Европе и
Америке»**

В статье рассмотрены поднятые в международном научном проекте «Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке» дискуссионные проблемы о характере латиноамериканского правого радикализма 1930—1940-х годов, о правомерности характеристики тогдашних диктаторских режимов как фашистских.

Ключевые слова: Латинская Америка, Бразилия, Мексика, фашизм, правый радикализм.

В последнее время в мировой историографии пристальное внимание обращается на такие, казалось бы, изученные темы, как история фашизма. Это, вне всякого сомнения, связано с остро современными феноменами, а именно — с ростом на Западе правого популизма, а также политических движений и идеологических течений праворадикального толка. Поэтому неудивительно, что историки вновь проявляют интерес к данной проблематике, обращенной в прошлое: в теме «классического фашизма» 1930—1940-х годов появились новые важные штрихи: обострилось внимание к «прото-», «недо-», «про-» фашизму, «периферийному фашизму», ответвлениям и необычным проявлениям этого феномена за пределами Европы как его исторической колыбели. Стремление хотя бы в некоторой степени рассмотреть многообразие концепций, отражающих эти вопросы, привело группу российских исследователей к публикации уникального издания.

Речь идет о международных исследовательских проектах «Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность» и «Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современ-

Людмила Семеновна Окунева — доктор исторических наук, профессор МГИМО МИД России, ведущий научный сотрудник Института Латинской Америки РАН (liudmila31@yandex.ru).

ность». Статьи, составляющие их суть, были опубликованы в трех выпусках московско-воронежского журнала «Берегinya. 777. Сова» в 2014—2016 гг.¹.

Организаторы издания во главе с руководителем редколлегии, видным российским исследователем данной тематики Александром Абрамовичем Галкиным соединили на его страницах работы крупных российских и зарубежных историков — 15 российских и 64 иностранных исследователей из 17 стран. В публикации представлены статьи по общим проблемам фашизма и правого радикализма, а также рассмотрена данная проблематика на материале 33 стран, в том числе двух регионов (Восточная Европа и Латинская Америка). И по географическому охвату, и по широте рассматриваемой проблематики проект является подлинной «энциклопедией» фашизма и правого радикализма — как концептуальных основ этих феноменов, так и политических практик режимов данной направленности в соответствующих странах и регионах.

Ценность проекта и в том, что опубликованные в его рамках статьи, особенно принадлежащие перу зарубежных авторов, знакомят читателя с новейшими подходами мировой историографии, предлагают новое осмысление старых проблем. Ученые не дают готовых и окончательных ответов на сложнейшие вопросы, а приглашают к размышлениям и концептуальным поискам, что создает предмет для научных дискуссий*.

Обратимся к широко представленному на страницах издания анализу латиноамериканских разновидностей фашизма 1930—1940-х годов. Уже одно перечисление названий переводных статей латиноамериканских и иберийских авторов дает представление о широте охвата и актуальности проблематики.

Латинская Америка: Жоау Фабиу Бертона — «Виды (типы) фашизма в Латинской Америке. Сравнительный анализ и концептуальное осмысление», «Фашизм и правый радикализм в Бразилии в XX веке»; Маркус Сезар ди Фрейтас — «Правая рука ребенка и тело нации: идеи евгеники и фашистская культура в Бразилии (1932—1938)»; Вероника Вальдивия Ортис де Сарате — «На пути к диктатуре. Правый национализм в Чили XX в.»; Даниэль Львович — «Правый национализм в Аргентине XX века: между католическим традиционализмом и фашизмом»; Одилон Калдейра Нету — «(Нео)фашизм и диктатуры в странах латиноамериканского Южного конуса: от старых взглядов к новым представлениям»; Леандру Перейра Гонсалвис, Одилон Калдейра Нету, Гильерми И. Франку ди Андради — «Бразильские ультраправые в период восстановления демократии: ипостаси неонацизма в Бразилии и Латинской Америке»; Франко Саварино — «Фашизм в Мексике: ускользающее присутствие».

Иберийский вариант фашизма: Марио Ивани — «Кризис либеральной демократии в Португалии и «Новое государство» Салазара»; Мануэл Лофф — «Бог, отечество, власть: католическая церковь и иберийские фашизированные режимы (1933—1945)»; Хавьер Касалс Месегер — «Век

* На страницах издания представлены две работы российских латиноамериканистов: Е.Д.Строганова. Изучение латиноамериканского фашизма в советской и постсоветской историографии (Часть II Проекта); Л.С.Окунева. Об одной давней, но столь актуально звучащей сегодня дискуссии (к 40-летию дискуссии «К проблеме современных правоавторитарных режимов» на страницах журнала «Латинская Америка») (Часть III Проекта). Автор данных строк также является и переводчиком семи статей исследователей из Бразилии, Мексики и Испании. — *Прим. авт.*

фашизма в Испании (1918—2014)»; Франсиско Моренте — «Испанская фаланга, фашистские диктаторы и Гражданская война (1936—1939 гг.)»; Жоан Мария Томас — «Единая партия режима Франко». Очень интересная работа посвящена сравнительному анализу латиноамериканских и иберийских диктатур: Рубен Домингес Мендес — «Диктатуры на Пиренейском полуострове и латиноамериканский популизм: лицом к лицу (Франко, Салазар, Варгас и Перон)».

Объем журнальной статьи не позволяет детально рассмотреть все эти актуальные сегодня проблемы, поэтому мы отсылаем заинтересованных специалистов к чтению публикаций, а здесь рассмотрим лишь некоторые их аспекты. Представляется, что именно латиноамериканский материал позволяет наиболее объемно увидеть как различия между фашизмом и другими правыми движениями, так и различия между многообразными типами/видами самого фашизма.

Латиноамериканский вариант подробно рассмотрен известным бразильским историком и политологом Ж.Ф.Бертоньей. Он считает, что в Латинской Америке 1930—1940-х годов не было режимов, которые напрямую «дублировали» бы «классические» образцы итальянского фашизма или германского нацизма. Будучи по своей природе правоавторитарными диктатурами, латиноамериканские режимы были «прото-» или «квази-» фашистскими, в большей или меньшей степени тяготели к воспроизведению символики, фразеологии и других внешних атрибутов фашизма, симпатизировали ему, могли даже (как в случае Жетулиу Варгаса в Бразилии, 1930—1945) строить по «образу и подобию» фашизма свой репрессивный или пропагандистский аппарат. Но эти режимы не становились фашистскими лишь только по этой причине², поскольку не были наполнены четко выраженным фашистским содержанием. В случае Латинской Америки употребление термина «фашистский» стало неоправданно расширительным: в него включают «и различные военные режимы 1960—1970-х годов, и перонизм в Аргентине, и режим Варгаса в Бразилии, и перуанскую Апристскую партию (Alianza Popular Revolucionaria Americana, APRA), и многое другое. Это не только ошибочно с точки зрения терминологии, но и сделало бы невозможным любой сравнительный анализ. Поэтому более правомерно, говоря собственно о фашизме, рассматривать именно межвоенный период, поскольку в послевоенный период правые, фашистские движения (и далеко не только в Латинской Америке) оказались вынуждены во многом модифицироваться, став неофашизмом, или постфашизмом»³.

Бертонья предлагает интересный подход к теоретическому обоснованию самого понятия «фашизм». Традиционно фашизм определяли как консервативное (в целях борьбы с прогрессом в лице социалистической революции) или реакционное движение (при этом «реакционность» понималась как синоним консерватизма). Важной чертой фашизма является широкая пропаганда традиций и национальных корней. Тоску по прошлому испытывали представители всех разновидностей фашизма, воспевавшие «великую славу прошедших веков» и выступавшие против либерализма и его последствий в виде «аморальной городской жизни, потери гордости за свою расу». Но на деле фашизм использовал «традицию» иначе: для определения границ «своих» и «чужих», для мобилизации масс во имя воплощения модерности как политического проекта, но не для призывов к реальному возврату в прошлое. Вместо этого он «предлагает революцию, «движение вперед» к такому обществу, в котором ценности, важные для

правых, были бы сохранены и даже приумножены, и были бы в еще большей степени привязаны к текущим требованиям эпохи и особенно к новому современному массовому обществу. То есть фашизм выступает не как исключительно реакционный или исключительно консервативный, а лишь как связанный с обеими этими характеристиками и идеологическим родством, и политическим сосуществованием. Особенно это проявилось в эпоху крупных социально-политических выступлений межвоенного периода»⁴.

Таким образом, налицо крайняя сложность и даже запутанность связей между различными праворадикальными группировками и движениями, которые могли заимствовать друг у друга отдельные концепции или элементы идеологии, но при этом не становиться «чисто фашистскими». «Иногда солидарность перед лицом общего врага ставилась выше имевшихся различий, а в других случаях, наоборот, соперничество в борьбе за власть разводило прежних союзников в разные стороны. В этом смысле хорошим примером служит Испания: там одновременно были и близость, и расхождения. Таким образом, данный вариант не является исключительно латиноамериканским, но он во многом объясняет содержание политической борьбы именно в Латинской Америке в тот период»⁵.

Во всех странах Латинской Америки, пишет Бертона, были слышны отголоски европейского фашизма, который получил особые каналы для своего распространения в лице крупных общин немецких, итальянских, португальских и испанских иммигрантов, связанных с фашистскими партиями стран их происхождения. «Этому процессу способствовали и культурные и языковые связи, прежде всего со странами Пиренейского полуострова, с Францией и Италией; данная культурно-лингвистическая близость создавала ситуацию, при которой на латиноамериканский континент идеи фашизма проникали легче, чем, например, на Ближний Восток или в Китай»⁶. В латиноамериканских странах активно распространялись итальянские фашистские организации, «заграничные отделения NSDAP» (Национал-социалистической немецкой рабочей партии, *Nationalsozialistische Deutsche Arbeiterpartei*, NSDAP), особенно на юге Бразилии и в регионе Ла-Платы, но и в целом по континенту; через печатные издания и информацию усиливалась пропаганда, нарастали стремления склонить на свою сторону иммигрантские общины, установить связи с местными фашистскими группировками; шла и финансовая помощь. Активную пропаганду, основанную на идеалах испанизма и идеях союза испаноязычных народов, вела Испанская Фаланга*; активно действовала обращенная к огромной португальской общине Бразилии пропаганда салазаровской Португалии. «Одновременно с этим большинству латиноамериканских фашистских движений не нравились обостренный германский расизм и агрессивный империализм»⁷.

* Испанская Фаланга (*Falange Española*) — ультраправая политическая партия фашистского толка в Испании. Основана в 1933 г. Хосе Антонио Примо де Риверой (1903—1936); при авторитарном режиме Франсиско Франко (1892—1975) — правящая и единственная законная партия в стране (1936—1975). Идеология Фаланги (национал-синдикализм) в целом базировалась на основных положениях итальянского фашизма. Подразумевалось также восстановление Испании в качестве великой державы, налаживание культурных и политических связей с испаноязычными странами с последующим восстановлением Испанской империи. После смерти Франко и начала развития демократических процессов распалась. Отдельные профалангистские организации существуют до сих пор. — *Прим. ред.*

Бертонья формулирует важнейшее, на наш взгляд, положение, формирующие определенный угол зрения, с позиций которого следует рассматривать политические аспекты межвоенного периода в Латинской Америке: на континенте в 1930-е годы имел место *«период диктатур», режимов «жесткой руки», но не эпоха фашизма, как в Европе* (курсив наш. — Л.О.). В тот период диапазон латиноамериканских режимов различных оттенков и политических ориентаций был довольно широк. В наименее развитых странах региона (Центральная Америка, карибские страны, Боливия, Венесуэла) господствовали традиционалистские диктатуры олигархического толка либо обычные военные диктатуры (и даже их открыто террористический характер или симпатии к Бенито Муссолини (1922—1945) не делали их автоматически фашистскими). В Уругвае, Аргентине (до Хуана Доминго Перона 1946—1955) и Перу у власти находились разномасштабные диктатуры, опиравшиеся на местные элиты и на армию, но не собиравшиеся делить власть с правыми радикалами. В Колумбии, Коста-Рике вообще не было диктатур, там правили демократические режимы (хотя и при сильном влиянии армии). Латиноамериканские политические элиты не собирались уступать власть «радикальным правым»: «тем самым выбор в пользу фашизма так и остался «в резерве» и не пригодился ни в одной стране»⁸.

Бертонья дает интересный ретроспективный обзор латиноамериканского политического пейзажа того времени. Так, диктаторы, подобные Рафаэлю Трухильо в Доминиканской Республике (1930—1961), кланы Дювалье на Гаити (1957—1986) и Сомосы в Никарагуа (1936—1979) или Фульхенсио Батиста на Кубе (1952—1959), могли создавать кровавые режимы, восхищаться Муссолини, Франко, но все это еще не делало их фашистами и не превращало в безусловных союзников фашизма. А генерал Максимилиано Эрнандес Мартинес в Сальвадоре (1931—1944), хотя и симпатизировал странам «Оси» (нацистская Германия, фашистская Италия и милитаристская Япония), но под давлением США присоединился к антигитлеровской коалиции и прекратил деятельность немецких и итальянских организаций соответствующего толка. Весьма немногочисленными были фашистские организации в Венесуэле и Эквадоре, слабы они были в Боливии; в Колумбии фашистское движение возникло на базе Консервативной партии (Partido Conservador), симпатизировало, помимо Гитлера и Муссолини, идеологу французского праворадикального профашистского движения «Action française» Шарлю Моррасу (1868—1952)*, Испанской Фаланге, но затем ушло в недра консерваторов. Небольшие фашистские группировки были в Перу (два их главных идеолога — Хосе Рива Аггеро и Рауль Ферреро Рибальяти); в Мексике синархизм** был, скорее, формой католической реак-

* Action française — монархическая и националистическая политическая организация, возникшая во Франции в 1899 г., позже была возглавлена Ш. Моррасом. В годы нацистской оккупации, несмотря на ранее активно пропагандировавшуюся идею превосходства «латинской расы», часть ее членов поддерживала коллаборационистский режим Виши. — *Прим. ред.*

** Синархизм — крайне правое политическое движение в Мексике (с 1937 г.), базирующееся на декларировании верности идеалам римско-католической церкви, а также началах, близких фашизму. Национальный союз синархистов (Unión Nacional Sinarquista) активно выступал против светской политики Институционно-революционной партии (Partido Revolucionario Institucional, PRI). История синархизма как клерикального, последовательного в достижении своих целей движения, весьма насыщена и не завершена до настоящего момента. — *Прим. ред.*

ции, а не фашизмом. Численность всех этих движений не превышала нескольких сотен членов⁹.

Ситуация же в странах Южного конуса, подчеркивает Бертонья, была особой. В Уругвае и Парагвае имели место лишь «отголоски» итальянского и немецкого фашизма. Чилийское Национал-социалистическое движение (Movimiento Nacional Socialista de Chile, MNS) было более активным, приобретя «определенное политическое представительство в обществе», но и здесь «они не сумели завоевать власть, а после предпринятой ими попытки государственного переворота в 1938 г. партия была официально запрещена»¹⁰.

На этом фоне ближе всего к итало-германской модели фашизма подошли режимы наиболее развитых латиноамериканских стран — Х.Д. Перона в Аргентине и Ж. Варгаса в Бразилии. Аргентина, по мысли Бертоньи, являет собой яркий пример не собственно фашизма, а как раз *размытости* границы между фашизмом и авторитаризмом. Он считает, что сильные профашистские симпатии Перона, а также тот факт, что многие нацистские военные преступники нашли убежище именно в Аргентине, — все это создало обманчивое впечатление «фашистского характера» перонистского правления. Однако для того, чтобы «дотянуть» до фашизма, Перону «не хватало основополагающего идеала, традиционных для правых ценностей и использования партии для мобилизации народных масс во имя идеологии, а не как обычного подручного инструмента лидера».

Ближе всего к «организованному», по выражению Бертоньи, типу фашизма подошла Бразилия. Бертонья вполне правомерно, на наш взгляд, определяет «Новое государство» Ж.Варгаса (1937—1945) не как фашистское, а как консервативную диктатуру с модернизационной проекцией¹¹. Вместе с тем он указывает на острые споры по этим вопросам, ведущиеся в бразильской историографии. Для ответа на вопрос о характере режима Варгаса Бертонья, а также другой бразильский автор проекта — Маркус Сезар ди Фрейтас детально рассматривают движение интегрализма в лице Бразильского интегралистского действия (Ação Integralista Brasileira, AIB)*, партии, созданной Плиниу Салгаду в 1932 г. как уникальное для Латинской Америки политическое образование и идеологическое течение. Как представляется, Фрейтас совершенно правильно вписывает идеи интегрализма в общемировой контекст 1930-х годов — времени правых, фашистских, полуфашистских диктатур и подъема правого радикализма по всему миру**.

* Бразильский интегрализм — политическое движение, заимствовавшее ряд черт итальянского фашизма. При этом интегралисты в целом не признавали расизм, что отражено в их слогане «Единение для всех рас и народов» и в том, что в партию принимали людей с любым цветом кожи. Политическая программа AIB включала неприятие марксизма и либерализма, национализм в контексте разнородной и терпимой нации при верховенстве христианской морали. Движение имело полувоенную организацию, проводило массовые публичные акции. После неудачной попытки госпереворота в 1938 г. запрещено Ж.Варгасом, а члены AIB подверглись массовым репрессиям. — *Прим. ред.*

** И этот момент очень выпукло отражен в цитируемом научном проекте, где дан анализ правых и фашистских партий и движений, существовавших далеко не только в Германии и Италии, и даже не только в Европе, но и в Америке, Азии и Африке (см. статьи по Японии, Индии, Таиланду, арабским странам, Турции, Южной Африке). Подобный подход призван показать, что мир 1930-х годов был охвачен «манией фашизма», по-разному проявлявшейся в разных исторических обстоятельствах. — *Прим. авт.*

Интересен и анализ непростых отношений с интегрализмом самого Варгаса: от «дружбы», заигрывания, немалых симпатий — к дистанцированию и в конечном счете — декрету о роспуске АИБ после предпринятой им попытки государственного переворота.

В мировой историографии есть точки зрения, согласно которым, поскольку режим Варгаса опирался на фашистскую (профашистскую, фашизировавшуюся, протофашистскую) партию АИБ, использовал ее идеологию, некоторые политические методы, то он и сам был фашистским. Однако оба цитируемых нами бразильских автора утверждают, что взаимосвязь здесь гораздо сложнее и тоньше. Выше мы уже говорили о позиции Бертоны, отрицающего «фашистский» характер жетулистского режима. С ним солидарен и Фрейтас, утверждающий: да, «фашистские практики в политической культуре, определявшей курс государственной политики», были, но «если рассматривать правление Варгаса комплексно, то мы увидим, что оно отнюдь не было фашистским»¹².

«Бразильский вариант» сложен, неоднозначен, но в конечном счете понятен. На его примере можно провести «тонкую грань» между фашизмом и нефашизмом, можно обсуждать вопрос о том, до какой степени фашистским был характер интегрализма и самого Варгаса и т.д. Но в последнее время появились новые работы, с совершенно неожиданных позиций трактующие случай такой, казалось бы, «спокойной» в этом отношении страны, как Мексика. В свете этих трактовок «случай Мексики» представляется абсолютно уникальным (и во многом парадоксальным). И эти новые интерпретации могут заставить переосмыслить мексиканский опыт развития в XX в., а также вновь обратиться к феномену фашизма и задаться вопросом теперь уже не только о «тонкой грани», но и о правомерности (или, напротив, недопустимости) его расширительных трактовок.

Поводом к размышлениям о «мексиканском случае» послужила статья еще одного автора нашего проекта — мексиканского историка Франко Саварино¹³. Он интересно и во многом, на наш взгляд, правильно рассуждает об общих вопросах фашизма. Переходя к конкретному случаю Мексики, он предельно осторожен: «Следует отличать фашистское *влияние* от *тенденции развития* в направлении фашизма. В случае Мексики можно признать связанную с той эпохой, «зарождавшуюся» тенденцию развития в данном направлении» (курсив Саварино). Более того, автор назвал свою статью «Фашизм в Мексике: *ускользающее присутствие*» (курсив наш. — Л.О.), подчеркивая тем самым, что речь не идет о Мексике как о «фашистской стране», что присутствие фашизма там было скрытым, неявным, действительно *ускользающим*.

В центре анализа Саварино — так называемое «постреволюционное государство» в Мексике, т.е. государство, сформировавшееся после революции 1910—1917 гг. Почему здесь с такой силой звучат понятия «национализм», «социализм», «революционность», но также и — «авторитаризм», «популизм», «харизматический лидер», от которых «рукой подать» до фашизма?

Мексиканская революция стала уникальным явлением мировой истории: принятая по ее окончании Конституция 1917 г. *не завершила* собой, как это «принято» в революциях, драматическую борьбу за основные поставленные самой мексиканской историей цели (аграрная реформа с наделением крестьян землей; право государства на верховную собственность на национальную территорию, ее недра и природные ресурсы, предполагава-

шее национализацию собственности иностранного капитала; широкое рабочее законодательство, устанавливавшее 8-часовой рабочий день, отпуск, минимальную зарплату, право на забастовки и на создание профсоюзов; отделение церкви от государства, лишение ее собственности и права участвовать в политической жизни, влиять на народное образование). Конституция лишь стала программой, которую *еще только следовало выполнить*.

Годы правления Ласаро Карденаса (1934—1940) как раз и явились апофеозом реализации статей конституции. Реформы Карденаса рассматривались в Мексике как конструктивное, идущее мирным путем продолжение революционных преобразований, начатых после принятия Конституции 1917 г.¹⁴ В области социальной политики была установлена 40-часовая рабочая неделя, существенно увеличена зарплата, принята система коллективных договоров. Был создан единый национальный профцентр — Конфедерация трудящихся Мексики. Был решен аграрный вопрос: земли местных латифундистов и иностранных компаний были экспроприированы, и укреплены крестьянские общины эхидо, хотя имела место и раздача земли в индивидуальное пользование; все это нанесло сильный удар по латифундизму. Борьба с иностранным капиталом воплотилась в революционной по своему значению национализации в 1937 г. железных дорог, а в 1938 г. — нефти. Было введено бесплатное начальное образование, создан Рабочий университет. Была укреплена роль государства, а на основе Национально-революционной партии (Partido Nacional Revolucionario, PNR) была создана новая массовая Партия мексиканской революции (Partido de la Revolución Mexicana, PRM)¹⁵.

Как трактовался данный период в традиционной мексиканской и отечественной историографии? В академической историографии Мексики наличие «про-» либо «прото-» фашистских тенденций отрицалось либо вообще не упоминалось. Что же касается отечественных авторов, то если одни рассматривали «карденизм» как «обычный» (быть может, лишь чуть более радикальный) вариант латиноамериканского национал-реформизма (Игорь Константинович Шереметьев, Евгений Григорьевич Лапшев)¹⁶, то другие, отталкиваясь от таких его черт, как создание возможностей для проведения глубоких антиимпериалистических, антиолигархических реформ; стремление к удовлетворению требований народа; ярко выраженная социальность; желание вовлечь массы в трансформационную политику; заявления о «социализме» (впрочем, под социализмом Карденас понимал, конечно, не его «советскую модель», а стремление к равенству и социальной справедливости); поощрение левого модернистского искусства настенной живописи («мурализма»), поддержка испанских республиканцев, видели в «карденизме» воплощение *революционно-демократического* (и даже в перспективе *социалистического*) эксперимента (Анатолий Федорович Шульговский, Александр Иванович Строганов)¹⁷. Следует подчеркнуть, что подобный исследовательский ракурс ученых, стремившихся «подтянуть» Карденаса к «социализму», складывался, по словам известного российского историка-латиноамериканиста Андрея Аркадьевича Щелчкова, под несомненным влиянием установок VII Конгресса Коминтерна в отношении национал-реформизма, когда большое внимание уделялось революционным, революционно-демократическим, даже социалистическим течениям в его лоне и замалчивались проявлявшиеся уже тогда корпоративистские, авторитари-

стские, основанные на харизматическом политическом лидерстве тенденции, напрямую ведущие к фашизму.

Саварино же делает акцент именно на *этих* чертах. О влиянии фашизма, в его представлении, свидетельствуют и PNR с ее разнородной социальной базой, ставшая «институциональным выражением всей мексиканской революции» (эту партию он идентифицирует напрямую с Национальной фашистской партией Италии (Partito Nazionale Fascista, PNF)), «и корпоративная структура государства, и характер экономической политики в годы Великой депрессии»¹⁸. Именно период «революционного каудильизма» в лице Альваро Обрегона (1920—1924) и Плутарко Элиаса Кальеса (1924—1935), когда необходимо было решить такие задачи, как «объединение разноликих и раздробленных революционных сил» в рамках единой PNR, «обеспечение верховного лидерства Революции, формирование государства, которое могло бы сыграть более активную роль в социальной сфере, в проведении экономической политики, в определении национальной идентичности и в защите страны от иностранного империализма», и стал, по мнению Саварино, временем, когда правящие круги Мексики обратились к поиску за рубежом «полезных механизмов», необходимых для воплощения вышеназванных целей. (Это были именно механизмы, а не «внешние модели», так как мексиканская парадигма была, как пишет Саварино, в высшей степени своеобразной, развивавшейся по собственным лекалам и не нуждавшейся в примитивных «заимствованиях».) Исследователь считает, что такие механизмы мексиканцы усмотрели в итальянском фашизме¹⁹. Черты фашизма Саварино видит и в кальесовском режиме «максимата», который, на его взгляд, напоминал муссолиниевскую модель; единственное отличие он усмотрел в том, что Кальес, хотя и провозгласил себя «верховным вождем», не мог тягаться с Муссолини по степени харизматичности своей личности²⁰.

Харизматическим же лидером был именно Ласаро Карденас. И вот здесь кроется главная интеллектуально-историческая «бомба». Саварино, конечно, не называет Карденаса «фашистом», но говорит о «склонности к фашизму» мексиканских политиков, интеллектуалов и среднего класса, о «притягательности» для них фашизма, о том, что «мексиканское правительство скрытно, но активно собирало и накапливало информацию о фашизме», а Кальес и Карденас «открыто продвигались в направлении фашистской модели» (курсив наш. — Л.О.)²¹. «Тот вес, которым обладали фашиствующие элементы на протяжении постреволюционного периода, проявился в повороте вправо самого Карденаса, начиная с 1938 г.»²².

В чем же Саварино усматривает «склонность» Карденаса к фашизму? «Тяготение, или склонность, к фашизму ... реализовывались в Мексике в сильном государстве, радикальном национализме, антиамериканизме, корпоративизме (который Мексика взяла на вооружение сама, но при этом с оглядкой на Италию), единственной партии, в авторитарном правлении Обрегона, Кальеса и Карденаса, в поддержке государством авангарда в культуре, в продвижении им в искусстве, архитектуре и литературе модернистских течений и в склонности к евгенике и расизму, выражавшимся в идеализации «мексиканской расы» и в неприятии иммигрантов из Азии»²³.

Если говорить кратко, в мексиканском «постреволюционном режиме» Саварино находит такие черты фашизма, как «единственная партия, сильный лидер, корпоративизм, национализм»²⁴. И далее: исходя из столь неотъемлемой характеристики фашизма, как опора режима на массы, стрем-

ление тотально вовлечь их в дело поддержки верховного вождя, формирование массовой партии, Саварино примеряет эти лекала на карденистскую Мексику и находит в них еще одно подтверждение наличия там «фашизма».

Действительно, трудно отрицать такие черты карденизма, как радикальные реформы, сплотившие вокруг Карденаса широкие социальные слои, создание им в 1938 г. массовой (и контролируемой сверху) PRM, несомненный патернализм (и смыкавшийся с ним популизм) Карденаса как верховного лидера нации, «втягивавшего» в политику пассивные, зачастую необразованные массы. Популизм и патернализм Карденаса не подлежат сомнению, но вопрос в другом: дает ли это основания причислить данного лидера и его режим к разряду «фашистских»? Не противоречит ли здесь исследователь сам себе: ведь он сам верно говорил, что популизм *может быть* чертой фашизма, но при этом не является в обязательном порядке его «синонимом». (Ведь сам Саварино говорит о Карденасе: «его тяготение к «левому» популизму... отдаляло его от итальянского фашизма»²⁵.) Противоречивость позиции автора — налицо.

Саварино пишет о «притягательности фашизма» для некоторых из видных мексиканских интеллектуалов, о профашистских настроениях общественности Мексики. Фашизм, по его мнению, был неотъемлемой частью тех европейских по своему происхождению представлений о модернизме, которые завораживали некоторые круги мексиканских деятелей искусства. В среде художественного авангарда «причудливо переплетались самые различные политические идеологии от фашизма до коммунизма»²⁶. Но особо он выделяет двух представителей мира интеллектуалов, «которые выделялись своим открытым сближением с фашизмом»: писателя и политика Хосе Васконселоса и художника Херардо Мурильо. Отметим, что Васконселос — такая же идеализированная советским мексикановедением фигура, как и Карденас; вот аргументы Саварино: «...фашизм Васконселоса был обусловлен его приверженностью культурному авангардизму, противостоявшему космополитичному и материалистичному миру англосаксов»²⁷. Если вначале он скептически отзывался о Муссолини, то вскоре демонстрировал восхищение «культурным проектом» итальянского фашизма, а в годы войны «превратился в активного сторонника держав «Оси» и возглавил редколлегию журнала «*Timón*» («Штурвал») — влиятельного прогерманского издания».

Проблема, поднятая Саварино, чрезвычайно сложна и неоднозначна, не имеет легкого и простого ответа — как не имеет такого ответа сам сложнейший, многофакторный и, как показывают статьи нашего проекта, во многом неизученный до конца феномен фашизма. В данном конкретном случае размышления приводят к мысли о том, *как именно* относиться к расширительной трактовке фашизма. Ведь перечисленные выше черты, рассматриваемые Саварино как *черты мексиканского фашизма*, можно найти и во многих других режимах, существенно отличавшихся от фашизма. Выходит, что расширительная трактовка может стать своего рода «ловушкой», когда на основании формальных черт, свойственных разнородным политическим устройствам, выстраивается общая закономерность, и уже под нее подстраивают характеристику заданной политической системы. Расширительная трактовка имеет и еще одну оборотную сторону. Не получается ли так, что то, что некоторые историки считают революционным демократизмом, Саварино расценивает как «черты фашизма»?

Тема, избранная Саварино, настолько неоднозначна, что подчас и он сам, даже в рамках собственной статьи, колеблется. Особенно это проявилось в заключении. Задаваясь вопросом, «можно ли обнаружить в Мексике феномен фашизма?», он пишет: «Ответ на этот вопрос, несомненно, положительный». И тут же опровергает себя: «Конечно, этих элементов недостаточно для включения мексиканского политического эксперимента в разряд «фашистских»»²⁸.

Цель данной статьи — познакомить отечественных латиноамериканистов с последними зарубежными исследованиями, новыми ракурсами и современными точками зрения на проблемы, либо вообще не изучавшиеся в нашей латиноамериканистике, либо исследованные, но «застывшие» в 1960—1970-х годах. Мы видим, что споры в историографии и политологии вокруг этих проблем далеко не закончены. И это в очередной раз свидетельствует о важности предпринятой публикации, позволяющей ознакомить читателей как с дискуссиями, ведущимися в зарубежной политологии в настоящее время, так и с состоянием современной политической и исторической науки в вопросах изучения фашизма.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Части I-II. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. — Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2014, № 4 (23); 2015, № 3 (26); Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность. Часть III. Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунева. — Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2016, № 4 (31). [Fashizm i pravyy radikalizm v Evrope i Amerike: istoriya i sovremennost'. Chasti I-II. Redkol.: A.A.Galkin (otv. red.), A.A.Bogdashkin (otv. red.), L.S.Okuneva (zam. otv. red.) i dr. — Bereginja. 777. Sova: obshhestvo, politika, jekonomika. — 2014, № 4 (23); 2015, № 3 (26); Fashizm i pravyy radikalizm na Zapade i na Vostoke: istoriya i sovremennost'. Chast' III. Otв. red.: A.A.Galkin, A.A.Bogdashkin, L.S.Okuneva. — Bereginja. 777. Sova: obshhestvo, politika, jekonomika. — 2016, № 4 (31)] [Fascism and Right-Wing Radicalism in Europe and America: Past and Present. Parts I-II. Editorial Board: Galkin A., Bogdashkin A. (Editors-in-Chief), Okuneva L. (Senior Editor) ea. — Bereginia. 777.Sova: Society, Politics, Economics. — 2014, № 4 (23); 2015, № 3 (26); Fascism and Right-Wing Radicalism in the West and in the East. Part III. Editors-in-Chief: Galkin A., Bogdashkin A., Okuneva L. — Bereginia. 777.Sova: Society, Politics, Economics. 2016, № 4 (31)].

² Ж.Ф.Бертонья. Виды (типы) фашизма в Латинской Америке: сравнительный анализ и концептуальное осмысление. — Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. — Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2015, № 3 (26), с. 212-213. [Berton'ja Zh.F. Vidy (tipy) fashizma v Latinskoj Amerike: sravnitel'nyj analiz i konceptual'noe osmyslenie] [Fascisms in Latin America. Comparisons and concepts]. Fashizm i pravyy radikalizm v Evrope i Amerike: istoriya i sovremennost'. Chast' II. Redkol.: A.A.Galkin (otv. red.), A.A.Bogdashkin (otv. red.), L.S.Okuneva (zam. otv. red.) i dr. — Bereginja. 777. Sova: obshhestvo, politika, jekonomika. —2015, № 3(26), p. 212-213.

³ Ibid., p. 211.

⁴ Ibid., p. 211—212.

⁵ Ibid., p. 213.

⁶ Ibid., p. 223.

⁷ Ibid., p. 213—215.

⁸ Ibid., p. 219.

⁹ Ibid., p. 215—216.

¹⁰ Ibid., p. 216.

¹¹ Ibid., p. 217.

¹² М.С.диФрейтас. Правая рука ребенка и тело нации: идеи евгеники и фашистская культура в Бразилии (1932-1938 гг.). — Фашизм и правый радикализм в Европе и Америке: история и современность. Часть II. Редкол.: А.А.Галкин (отв. ред.), А.А.Богдашкин (отв. ред.), Л.С.Окунева (зам. отв. ред.) и др. — Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2015, № 3(26), с. 228. [Freitas M.S. di. Pravaja ruka rebenka i telo nacji: idei evgeniki i

fashistskaja kul'tura v Brazilii (1932-1938 gg.)) [The right hand of the child in the body of the nation: eugenic proposals and fascist culture in Brazil, 1932—1938]. *Fashizm i pravyy radikalizm v Evrope i Amerike: istorija i sovremennost'. Chast' II*. Redkol.: A.A.Galkin (otv. red.), A.A.Bogdashkin (otv. red.), L.S.Okuneva (zam. otv. red.) i dr. — Bereginya. 777. Sovo: obshhestvo, politika, jekonomika. 2015, № 3 (26), p. 228.

¹³ Ф.С а в а р и н о. Фашизм в Мексике: ускользающее присутствие. — Фашизм и правый радикализм на Западе и на Востоке: история и современность. Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунева. — Берегиня. 777. Сова: общество, политика, экономика. 2016, №4(31), с. 235-245. [Savarino F. *Fashizm v Meksike: uskol'zajushhee prisutstvie*] [Fascism in Mexico: an elusive presence]. *Fashizm i pravyy radikalizm na Zapade i na Vostoke: istorija i sovremennost'. Chast' III*. Отв. ред.: А.А.Галкин, А.А.Богдашкин, Л.С.Окунева. — Берегиня. 777. Sovo: obshhestvo, politika, jekonomika. 2016, №4 (31), p. 235-245.

¹⁴ Л.С.О к у н е в а. Двухсотлетие начала Войны за независимость и столетие Революции 1910 г. в Мексике. — Новая и новейшая история. 2011, № 1, с. 48. [Okuneva L.S. *Dvuhsotletie nachala Vojny za nezavisimost' i stoletie Revoljucii 1910 g. v Meksike*] [Bicentenary of the Beginning of the War of Independence and Centenary of the Revolution 1910 in Mexico]. *Novaja i novejsaja istorija*. 2011, № 1, p. 48.

¹⁵ А.И.С т р о г а н о в. Латинская Америка в XX веке. М., 2008, с. 102-105. [Stroganov A.I. *Latinskaja Amerika v XX veke*] [Latin America in the XX Century]. Moscow, 2008, p. 102-105.

¹⁶ Мексика: капитализм и общество. М., 1990, с. 43, 51-55. [Meksika: kapitalizm i obshhestvo] [Mexico: Capitalism and Society]. Moscow. 1990, p. 43, 51-55.

¹⁷ А.Ф.Ш у л ь г о в с к и й. Мексика на крутом повороте своей истории. М., 1967 [Shul'govskij A.F. *Meksika na krutom povorote svoej istorii*] [Mexico at the sharp turn of its history]. Moscow. 1967; А.И.С т р о г а н о в. Op.cit., p. 102-105.

¹⁸ Ф.С а в а р и н о. Op. cit., p. 237.

¹⁹ Ibid., p. 237.

²⁰ Ibid., p. 237.

²¹ Ibid., p. 240.

²² Ibid., p. 238.

²³ Ibid., p. 237-238.

²⁴ Ibid., p. 239.

²⁵ Ibid., p. 237.

²⁶ Ibid., p. 239-240.

²⁷ Ibid., p. 239.

²⁸ Ibid., p. 243.

Liudmila S.Okuneva (liudmila31@yandex.ru)

Doctor of Historical Sciences, Professor, MGIMO—University, Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Leading Research Fellow, Institute of Latin American Studies, Russian Academy of Sciences

To the question of the Latin American varieties of fascism during the interwar period. Turning over the international research project "Fascism and Right-wing Radicalism in Europe and America"

Abstract. The article deals with the discussion problems examined in the international scientific project “Fascism and Right-Wing Radicalism in Europe and America” about the nature of Latin American right-wing radicalism of the 1930's—1940's, on the legitimacy of the characteristics of the then dictatorial regimes as fascist.

Key words: Latin America, Brazil, Mexico, fascism, right-wing radicalism.